

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ

ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2025 – 2026 уч. г.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

Время выполнения – 2 астрономических часа 15 минут (135 минут)

7-8 КЛАСС

Максимальное количество баллов за задания – 65 баллов.

Задание № 1.

45 баллов

Выберите один из предложенных текстов (стихотворный или прозаический) и выполните его целостный анализ.

*1.1. Выполните целостный анализ произведения современного русского поэта **Дмитрия Анатольевича Григорьева** «Странный вирус», которое было опубликовано в сборнике 2005 года «Перелом ангела. По следам XII Российского Фестиваля верлибра».*

При анализе обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): специфику жанра (верлибр или по-другому свободный стих); композиционное и строфическое строение (совпадает или нет); образ персонажа; пространство (реальное и виртуальное) и время; связь Бога и слова, а также их сакрализация и десакрализация. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Дмитрий Григорьев Странный вирус¹

каждое утро
он поднимается на лифте
в свой стеклянный офис
садится за компьютер
ищет потерянное слово
в скучных текстах
где лишь белизна между строк

а однажды он искал Бога
не в душе, и не в небе, а в интернете
на ключевое слово Бог

¹ В данном стихотворении знаки препинания отсутствуют. Это не является ошибкой или опечаткой – таков исходный авторский вариант.

поисковые системы
вывалили десятки миллионов ссылок
и первая из них – анекдоты

он открывал страницу за страницей
искал в регионах земных и небесных
день проходил
за окном темнело,
прощались друг с другом клерки
запирали комнаты сдавали ключи

наконец тишина наступила
даже лифт опустился на первый
и встал – некому больше ехать
лишь он всё сидел
кликал мышкой,
закрывал старые окна,
открывал новые страницы,
и далеко за полночь
после десятой чашки кофе,
когда он совсем отчаялся
и стали слипаться глаза
на экране вдруг вспыхнуло слово

такое яркое, что ослепило надолго
даже сквозь веки
сокровенное слово
потом погас экран и подвис компьютер
перестал реагировать даже на `ctrlaltdel`
пришлось жёстко перезагружаться

теперь он ищет слово
смысла которого даже понять не успел
в письмах, во временных файлах
но там лишь обрывки,
мусор ненужные страницы
а сокровенное слово
уже не найти не вернуть

1.2. Выполните целостный анализ произведения современного русского прозаика **Елены Олеговны Долгопят «Память»**, которое было опубликовано в №1 журнала «Знамя» от 2021 года.

При анализе обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): деление произведения на главы-части и их наименования; образ героя; время и пространство, в которых живёт главный герой; название рассказа и его соотношение с содержанием текста; повторяющиеся элементы; мотив сна. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Елена Долгопят
Память

1999. Осень

Музей Люба считала обителью, себя — служителем. Хранила обломки прошлого. Да и сама она — обломок, ее бы тоже в стеклянную витрину, и пояснительную надпись наклеить: так мол и так, на свету не держать, в холодильник и к батарее не ставить, хранить в осторожном полумраке.

Конечно, была она живой человек, таскала продукты из магазина, копейки считала до зарплаты, переживала за внуков, таращилась в телевизор, теряла чувство времени в метро (метро располагает). Жила, цеплялась, смотрела на часы. Как все, как мы. Но она знала про себя, что обломок, что самое ей место — музейный фондовый отдел. Ушла с передовой в запас. И хотела бы вернуться, а некуда. Так бывает. Время вышло, а бог забыл о тебе.

Вот она и разбирала, кто кому и зачем писал письмо в далеком одна тысяча девятисотом, к примеру, году. Разбирала да не всегда разбиралась. Почерк уж больно прихотливый, да и чаю пора вскипятить. Или покурить на площадке. Полумрак. И сигарета мерцает красным тревожным огоньком.

И задавала Люба себе вопросы:

Зачем ты здесь? Чего ищешь, от чего бежишь? Почему не выходишь на свет, на сцену, в люди, в настоящее? Зачем тебе между временами, между бытием и небытием? Зачем тебе бумажный мир, останки мертвецов?

И разделяется плод на добро и зло, и разделяется человек на мужчину и женщину, и разделяется вечность на мгновения, и рассыпаются они по всему свету, и уже не собрать, не нанизать по порядку, все спутано, и прошлое, и настоящее, и будущее. И есть люди времени, и есть люди вечности, и все они живут, и все они умирают.

А ты? Ты ходишь к мертвым, и ты ходишь к живым.

Так примерно она себе говорила, пока сон не приходил.

* * *

Встала по будильнику. Потащилась на кухню.

Вскипятила чайник, выкурила сигарету. Кухня большая. Высокие потолки. Темные, из давних времен, иконы, темная, в самом углу, картина. Иногда случалось Любе увидеть ее в солнечном свете, в солнечном луче, и тогда, только тогда, удавалось разглядеть дорогу, цепочку фонарей, силуэты пятиэтажек.

Был хлеб, было масло. Она намазала ломоть тонким прозрачным слоем. Посыпала белой сахарной крупой. И это был ее ранний завтрак. Как будто до сотворения мира. За окнами пустота, ничего еще нет, ни старого московского двора, ни тополя, с которым она иногда обнималась и разговаривала, когда возвращалась поздно, выпив лишнего в какой-нибудь пивной или пельменной со случайными, вдруг образовавшимися, знакомыми, от которых она всегда умела вовремя уйти.

Люба останавливалась во дворе возле старого тополя, задирала голову и смотрела в свои окна. Видела свет и не спешила домой. Прислонялась к стволу и ждала, когда свет погаснет, когда все в доме лягут наконец спать. Ждала, когда уснут так крепко, что уже и не услышат ее, а если услышат, то сквозь толщу глубокого сна, и не захотят выплывать из глубины. Она вступит в прихожую, расшнурует и скинет ботинки, и никто не появится, не задержит взгляд, не спросит, не приняхается, не поморщится, не посмотрит с укоризной, неодобрением, превосходством.

Дерево шумело над головой или молчало. И случалось, что она поворачивалась к нему и обнимала, как самое дорогое и близкое существо. Она любила сына и внуку, терпела невестку, но говорить не хотелось ни с кем.

* * *

Утро, кухня. Чай, хлеб, сигарета.

Подкрасить губы. Собрать рюкзак.

В ларьке возле метро взяла несколько пакетиков кофе «три в одном» (растворимый кофе, сухое молоко и сахар, сахар, сахар). Она обожала эту отраву. Всыпать в большую кружку, залить кипятком, перемешать. Дуть, остужать. Отпивать. На кружке оставался красный след от ее губ.

Иногда случалось ей забыться. К примеру, в вагоне метро. Как будто проваливалась на секунду в небытие. Очнувшись, не сразу вспомнила себя. Вдруг оказывалась никем и нигде.

Растерянно смотрела на людей в вагоне. На черное стекло.

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ

Поезд грохотал. Люди все были незнакомы. Все казались спящими с открытыми глазами. Она не помнила ничего о себе, ни прошлого, ни настоящего. Она не понимала, где находится, на какой планете. И зачем она здесь и куда направляется в этом грохочущем поезде, она тоже не понимала.

Длилось это недолго. Один миг. Полсекунды. Точно ее отключали на эти полсекунды, а потом вдруг включали. И ей было страшно. Ей казалось, что в следующий раз позабудут включить, и она останется никем и нигде на веки вечные.

Обыденные житейские заботы, хлопоты, впечатления заслоняли краткую пустоту, крохотное небытие, оно оседало на дно памяти и не тревожило.

* * *

Поезд стоял в тоннеле. Старик смотрел на нее снизу вверх.

— Давно стоим? — спросила она.

Он не отвечал.

— Пару минут, — откликнулся мужчина с круглым значком «Хочешь похудеть? Спроси меня как» на лацкане пиджака.

Пиджак, брюки, белая рубашка. Он походил на комсомольского активиста. Или на серийного убийцу. Оттого ли, что рубашка была застегнута на все пуговицы? Бог его знает.

Голоса:

— Хоть бы уж объявил машинист, чего стоим.

— Сейчас поедem, здесь вечно остановка.

— Где здесь?

— Перед Белорусской. У них здесь это, парк. У поездов.

Пока они говорили, она постепенно осознала, куда направляется и зачем. Все обстоятельства времени и места. Точно проявлялась картинка из мути, из ничего. Все яснее и четче.

Поезд тронулся.

Она ехала в хвостовом вагоне. На Кольцевой всегда надо садиться либо в хвостовой вагон, либо в первый. Народу меньше.

Она думала об этом. И думала не забыть купить сигареты. Думала о картине, которую никогда не напишет.

Такая должна быть. Масляными красками. Коричневые тона. Светлые до белизны и темные до черноты, но не до черной черноты, до коричневой, она более страшная, в ней отблеск недоброго пламени. А свет должен быть легким, влажным, напоминать о свежем дыхании снега. А сюжет? Он там есть. А как же. Она любит сюжеты. Или, по крайней мере, фигуры. Или, на редкий случай, предметы. Иначе пусто, пусто. Арлекин в колпаке. И темная большая фигура за ним. Возможно, тень. Чья? Арлекина? Кого-то еще?

Поезд приближался к Краснопресненской. Она направилась к выходу и вдруг увидела Дашку. Дашка напоминала ей пеструю райскую птичку, птенца, вернее. Крошечная, худенькая, в широченном пальто, в ярком разноцветном шарфе. Она стояла у самых дверей, спиной к поручню и читала книгу.

Люба осторожно наклонилась и заглянула Дашке в лицо.

Серьезное. Сосредоточенное. Таинственное. Не от слова «тайна», от слова «тайнство».

Дашка не почувствовала ее взгляда, впрочем, короткого.

Люба поспешила выпрямиться. Ей показалось, она сделала что-то предосудительное, немислимое, неприличное. Нельзя вот так. Заглядывать.

Она не посмела потревожить Дашку, сказать: привет, не спи, выходим, наша станция. Не посмела, как будто боялась себя выдать, боялась, что Дашка увидит ее и догадается о вторжении, о незаконном вторжении, как говорят в американских детективах.

Поезд остановился, двери открылись, Дашка переступила черную щель между вагоном и платформой. На лестнице вновь читала. Подъем долгий на Краснопресненской.

У метро Люба задержалась, закурила. Не спешила. Пусть Дашка откроет все двери, пусть вскипятит чайник. Зашуршал дождь. Поплыли над толпой зонты. Люба стояла под деревом, курила.

Она расписалась в амбарной книге. Поднялась в лифте с зеркальной, увеличивающей пространство, стеной.

Первый этаж, затем сразу четвертый. На втором и третьем этажах располагались другие организации, с отдельным входом, и лифт проходил второй и третий этажи без остановок. Поднимался он медленно и бесшумно, и казалось, что он не движется.

Четвертый этаж, полутемное фойе с фотопортретами давно почивших актеров и актрис, прокуренная лестница, коридор за обитой дерматином дверью. Светильники под низким потолком. Как будто отсек подводной лодки, так думалось, хотя никогда она в подводной лодке не бывала.

За окном дождь. Чайника нет. Наверное, Дашка наливает в него воду (слышно как шумит кран в туалете в торце коридора). На Дашкином столе лежит ее книга, окропленная дождем.

Не заглянула. Не посмела.

2000. Зима

Ты мне объяснишь, что со мной происходит. Я бы к незнакомому не пошла, еще упрячут. Тебе я верю. Ты же врач. Был. И хорошо, что в прошлом. В прошедшем времени. Но ты же помнишь, как там и что, и специфика как раз твоя. Это у меня давно. Со школы. Или всегда. В детстве я думала, так у всех. Я очень удивилась, когда узнала, что не у всех. Не испугалась. Решила, что я особенная. Что это дар. Связан со смертью. Временная короткая смерть. Без обмороков и падений. Микросекунда. Тебя выключают и тут же включают. Но ты не сразу включаешься. Требуется время, осознаешь, кто ты, где и зачем. Микросекунда. Смотришь на собственную руку как на чужую. Даже слова такого не помнишь — рука. Но почти сразу вспоминаешь.

Но был случай. Я тебе расскажу. Еще по пиву? Да? Закуривай.

В начале этого года.

Хотя нет, это неправильно. Ты не поймешь, если я тебе время скажу и место. Никаких координат. Ни единой точки опоры. Понимаешь?

Представь, ты видишь себя. Нет, не себя. Видишь комнату. Вдруг. Это всегда вдруг.

Ты (ты — кто?) стоишь в этой комнате. В ней очень душно. Затхлый, застоявшийся воздух. Наводит на мысль о склепе. Удивительно, что слова и значения слов, они при тебе. Но вспомнить комнату ты (кто?) не можешь.

Полированный стол посерел от пыли. Такая давность, полированный стол. Сейчас таких не делают. Ты знаешь, помнишь про стол. Про время. Но только не про себя.

Часы на книжной полке. Круглый циферблат. Девять часов. Утра? Вечера? Круг замкнут.

Окна занавешены. Темные глухие портьеры.

Я. Нет, никакого я еще нет. Меня еще нет. И мир еще не создан. Еще не весь. Ты. Ты ходишь. Ты смотришь. Ты смотришь на свои ноги. Ты в ботинках. Зачем ты не сняла ботинки? На них проступают соляные разводы. Зима? Там, за окном, — зима? Отчего-то страшно заглянуть за портьеру (а вдруг за ней зрительный зал и множество глаз смотрят на тебя из темноты?). Ты решаешься и осторожно выглядываешь в щель. Бог мой (создай меня поскорее), как высоко! Над городом. Что там? Огни, сумерки. Утро или вечер? То и другое? Их еще не отделили друг от друга. Утро и вечер — сиамские близнецы.

Ты отступаешь от окна. Стеллаж с книгами. Диккенс. Собрание сочинений.

Фотография на стене. В пыльной рамке за пыльным стеклом. Женщина в маленькой шляпке. Похожа на «Незнакомку» Крамского. Почему ты помнишь «Незнакомку»? Почему ты помнишь Крамского? Почему они уже есть, а тебя все еще нет?

Диван. На нем — обувная коробка. Ты снимаешь крышку. Письма. Ты вынимаешь из конверта пожелтый лист. Встаешь под люстру.

«Здравствуй, Валечка, я оторвала листок календаря, а за ним открылся новый листок, новый день, и начался он стихами на новом листке, вот такими: в глазах твоих небесный свет. Это в твоих глазах, доченька, небесный свет. Я поплакала и написала тебе, чтобы меньше скучать. Сейчас пойду за водой, принесу ледяной и поставлю на лавку у двери».

Ты берешь конверт. Письмо отправлено в Москву из Вышнего Волочка. Почтовый штемпель. Год тысяча девятьсот сороковой. Ты подходишь к зеркалу. У тебя карие глаза. Карие. Нет в них небесного света. Письмо адресовано не тебе. Ты еще не родилась в сороковом году. Ты и сейчас еще не родилась. Лицо круглое. Губы широкие, почти негритянские. Ты (кто?).

Амнезия. Сюжет, изъеденный молью.

Рюкзак на полу. Ты открываешь молнию, выуживаешь потрепанную записную книжку, она вся исписана. Имена, фамилии, номера телефонов. Все незнакомы. Ты откладываешь книжку. Забираешься в рюкзак, вскрикиваешь.

Люба замолкает. Она сидит в пивной за одним столом со старым уже человеком, бывшим психиатром, так он, во всяком случае, говорит.

Пиво, сигареты. Соленый арахис.

— Это я пальцем в иголку воткнулась. Там у меня нитки, иголка в нитках. Черт его знает, зачем я таскаю с собой нитки с иголкой. Как будто Кощей. Как будто в этой иголке моя смерть. Или жизнь.

— И ты себя вспомнила?

— Еще как. Там жила актриса, она умерла, наследники разрешили забрать архив. Они старые мои знакомые. Из прежних времен. Когда я еще не работала в музее.

— А кем ты была?

Люба щелкнула зажигалкой, полюбовалась на пламя.

Задание № 2.**20 баллов**

Вы приглашены Литературным музеем в качестве куратора выставки, посвящённой одному из ключевых образов мировой (русской и зарубежной) литературы. Каждый зал выставки представляет собой вариант этого образа.

Ваша задача – написать текст, который предваряет знакомство посетителей выставки с экспозицией (экспонаты даны ниже): расскажите, какому образу посвящён зал, какое символическое значение он получил в литературе и искусстве, с какими темами и мотивами он связан, как раскрывается его значение в предложенных экспонатах.

Обязательно используйте примеры из других художественных произведений.

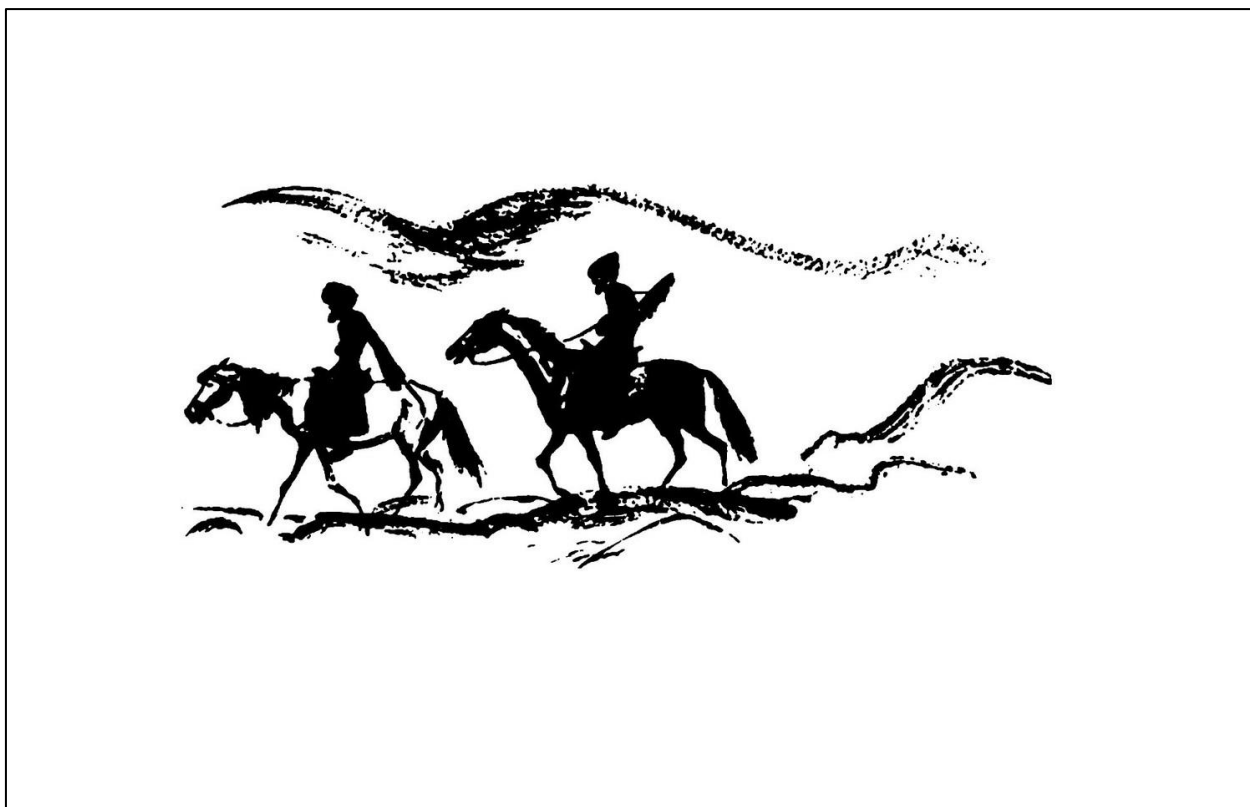

Рис.1. – Ю. Петров. Иллюстрация к произведению Л.Н. Толстого «Кавказский пленник»

Рис.2. – А.А. Брей. Рисунок к диафильму по рассказу И.С. Тургенева «Муму». 1949

Рис.3. – Кадр из кинофильма «Тарас Бульба». Режиссёр-постановщик – В. Бортко, 2009

Рис.4. – Кадр из кукольного спектакля «Волшебник Изумрудного города. Элли и её друзья». Режиссёр-постановщик – И.И. Крячун, 2025

Рис.5. – Кард из кинофильма «Станционный смотритель». Режиссёр – С. Соловьёв, 1972